

Научная статья
УДК 342

Конституционно-правовое измерение «культуры отмены» в условиях цифровизации

Виталий Евгеньевич Мушаков, кандидат юридических наук

Омская академия МВД России
Омск (644092, пр-т Комарова, д. 7), Российская Федерация
mushakov.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>

Аннотация:

Введение. В современных условиях глобализации информационного пространства, сгенерированного цифровыми технологиями, сетевые ресурсы повсеместно используются в качестве инструмента реализации «культуры отмены» (кэнселинга) как современной политико-культурной формы государственного либо общественного порицания физических и юридических лиц, направленного на бойкотирование и отказ от признания результатов их творческой деятельности. Кэнселинг, являясь внеправовым способом публичного ограничения конституционных прав и свобод личности, не находится под прямым запретом законодательства Российской Федерации. В связи с этим для приведения публично-правового законодательства Российской Федерации в соответствие с реалиями незаконного ограничения культурных прав и свобод граждан, автор ставит задачу теоретического осмысления феномена «культуры отмены», обращаясь к его конституционно-правовому, культурному, политическому и технологическому аспектам.

Методы. В ходе исследования использованы апробированные в рамках юридической науки общие методы исследования, формально-юридический и социологический методы, а также структурный и системный подходы.

Результаты. На основе проведенного исследования автором обосновываются теоретические положения о содержании понятия «культуры отмены», политико-идеологическом и частном уровнях применения кэнселинга, а также об особенностях влияния цифровых технологий на взаимодействие акторов и объектов воздействия «культуры отмены». Особое внимание уделяется конституционно-правовому положению личности, ставшей объектом воздействия рассматриваемого феномена. Обосновывается вывод об антиконституционности зарубежной и внутригосударственной практики «культуры отмены». Вынесены предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации о культуре в части, касающейся недопустимости распространения кэнселинга в целях принудительного исключения деятелей науки и культуры из российского и международного культурного пространства.

Ключевые слова:

культура отмены, кэнселинг, цифровизация, Конституция Российской Федерации, культурные права и свободы человека и гражданина, свобода творчества, право каждого на участие в культурной жизни, дискриминация граждан, культурная идентичность

Для цитирования:

Мушаков В. Е. Конституционно-правовое измерение «культуры отмены» в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 65–72.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025;
одобрена после рецензирования 09.07.2025;
принята к публикации 25.09.2025.

Constitutional and legal dimension of “culture of cancellation” in context of digitalization

Vitaly E. Mushakov, Cand. Sci. (Jurid.)

Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarov ave., Omsk, 6440927, Russian Federation
mushakov.2018@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0983-6985>

Abstract:

Introduction. Under modern conditions of globalization of the information space generated by digital technologies, network resources are used everywhere as a tool for implementing the “culture of cancellation” (cancelling) as a modern political and cultural form of state or public censure of individuals and legal entities aimed at boycotting and refusing to recognize the results of their creative activity. Cancelling, being an extralegal way of public restricting the constitutional rights and personal freedom, is not directly prohibited by the legislation of the Russian Federation. In this regard, in order to bring the public law legislation of the Russian Federation in line with the realities of illegal restriction on cultural rights and freedoms of citizens, the author sets the task of theoretical understanding the phenomenon of “culture of cancelling”, appealing to its constitutional, legal, cultural, political and technological aspects.

Methods. During the study, approved methods within the bounds of legal science were used, including general methods of research, formal-legal and sociological methods, as well as structural and systematic approaches.

Results. Based on the conducted research, the author substantiates the theoretical propositions on the content of the concept of “culture of cancelling”, the political, ideological and private levels of the application of cancelling, as well as on the peculiarities of the influence of digital technologies on the interaction of actors and objects of the action of “culture of cancelling”. Special attention is paid to the constitutional and legal status of the individual who has become the object of influence of the phenomenon under consideration. The conclusion about the anti-constitutional foreign and domestic practice of “culture of cancelling” is substantiated. Proposals have been made to improve the legislation of the Russian Federation on culture in terms of the inadmissibility of the dissemination of cancelling in order to exclude forcibly the scientists and cultural figures from the Russian and international cultural space.

Keywords:

culture of cancelling, cancelling, digitalization, the Constitution of the Russian Federation, the cultural rights and freedoms of a person and citizen, freedom of creativity, the right of everyone to participate in cultural life, discrimination of citizens, cultural identity

For citation:

Mushakov V. E. Constitutional and legal dimension of “culture of cancelling” in context of digitalization // *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*. 2025. No. 3 (107). P. 65–72.

The article was submitted April 4, 2025;
approved after reviewing July 9, 2025;
accepted for publication September 25, 2025.

Введение

Всестороннее проникновение достижений научно-технического прогресса в общественную жизнь изменило некогда традиционные формы межличностной коммуникации. Передовые цифровые технологии стали приоритетным способом придания публичности результатам интеллектуальной деятельности посредством их опубликования на открытых интернет-ресурсах, в мессенджерах и на иных площадках, опосредующих контент в информационной сети. Учитывая это, по-новому трактуются положения ст. 44 Конституции Российской Федерации¹: каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1); каждый имеет право на участие в культурной жизни (ч. 2). Современный цифровой аналог культурных взаимоотношений открывает для деятелей науки и искусства беспрецедентные возможности распространения результатов собственного творчества на широкую интернет-аудиторию.

При этом, учитывая процессы глобальной информатизации массмедиа, результат интеллектуальной деятельности может быть направлен на удовлетворение духовных, нравственных, развлекательных и иных потребностей граждан независимо от места их проживания, национальной, этнической, культурной принадлежности и других обстоятельств. Другими словами, в условиях цифровизации границы культурного пространства расширены, что способствует реализации культурных прав и свобод как деятелями науки и искусства, так и потребителями культурной продукции.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Российская газета*. 2020. 4 июля.

Вместе с тем в настоящее время под сомнение поставлено традиционное рассмотрение сферы культурных ценностей вне идеологии и политики. Кэнселинг активно применяется на публично-властном (межгосударственном) уровне в качестве инструмента давления одного государства на другое для принятия (изменения) требуемого политического решения. Не случайно в рамках X Санкт-Петербургского международного форума объединенных культур (11–14 сентября 2024 г.) Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что культура должна и может существовать без грубого вмешательства, без так называемой «культуры отмены»². Действительно, недружественные Российской Федерации государства в лице их официальных представителей, крупных корпораций и лидеров общественного мнения используют механизмы информационного пространства для блокировки произведений литературы, науки и искусства по принципу гражданской, политической и идеологической принадлежности их авторов. Главным образом причиной кэнселинга выступает не только гражданство Российской Федерации, но и, в частности, гражданская позиция авторов по поддержке присоединения Республики Крым к Российской Федерации в 2014 году и проведения специальной военной операции с 2022 года.

Конституционная свобода творчества предполагает свободу распространения результатов творческой деятельности [1, с. 154]. Российское государство гарантирует, защищает и поощряет такую деятельность при условии, что она не ведет к пропаганде войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной классовой и иной исключительности или нетерпимости, порнографии и т. п. [2, с. 27–28].

Однако вслед за реализацией антироссийских санкций в качестве «цепной реакции» преимущественно в западных странах участились отмены концертов российских музыкальных исполнителей, из театральных репертуаров исключаются произведения российских композиторов, сносятся памятники деятелей русской культуры, запрещаются печать и тиражирование произведений классиков и современников российской литературы, на международных кинофестивалях отказываются от показа российских кинолент, российские ученые отстраняются от работы на Большом адронном коллайдере в ЦЕРН (CERN – Европейская организация по ядерным исследованиям, Швейцария) и многое другое. Это означает, что причиной нарушения культурных прав и свобод являются политические мотивы, не связанные с нарушением деятелями науки и культуры законодательства Российской Федерации.

Более того, распространение кэнселинга как современной формы остракизма отнюдь не ограничивается политическим целеполаганием в рамках межгосударственных отношений. Кампании по прекращению поддержки публичных фигур и брендов юридических лиц в качестве социальной практики могут быть связаны с совершением последними поступков либо высказываниями, приведшими к общественному возмущению по иным поводам. Подобных фактов немало. Это, например, общественная травля британской писательницы Джоан Роулинг за трансфобию, обвинение дома моды “Balenciaga” в детской порнографии, отказ от профессионального сотрудничества с актером Дж. Деппом вследствие обвинений его в домашнем насилии со стороны бывшей супруги, разрыв рекламных контрактов и отказ от сотрудничества с телеведущей Р. П. Тодоренко вследствие оправдания ею домашнего насилия, массовая критика музыкального исполнителя М. Н. Бойко (известна под псевдонимом *Mia Boyka*) за осуждение «квадробера» во время концерта. В перечисленных случаях «культура отмены» применяется на частном уровне, т. е. со стороны общества, и в связи с этим отличается дезорганизованностью, стихийностью, хаотичностью, обезличенностью ее сторонников и, что важно отметить, в силу инициирования общественностью «снизу» не связана с государственным участием.

Принимая во внимание, что использование межгосударственной и общественной практики кэнселинга приводит к необоснованному ограничению культурных прав и свобод граждан, требуется обновленное конституционно-правовое исследование данного феномена и его законодательная регламентация.

Методы

Для применения к культурным правоотношениям законов формальной логики в настоящей работе использованы общие методы исследования – сравнения, описания, обобщения, анализа, контент-анализа, синтеза, экстраполяции и др. Кроме того, автором применен структурный подход для рассмотрения кэнселинга на двух уровнях: межгосударственном и частном. Системный подход использован при рассмотрении влияния цифровых технологий на нарушение культурных прав и свобод личности (на примере кэнселинга). Формально-юридический метод исследования использован для анализа юридических фактов и авторской интерпретации нормативных правовых актов. Социологический метод применен для оценки текущего состояния культурно-правового положения личности в цифровых условиях распространения практики кэнселинга.

² Пленарное заседание Форума объединенных культур // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75091> (дата обращения: 15.03.2025).

Результаты

Роль цифровых технологий в ограничении культурных прав и свобод посредством кэнселинга

В настоящее время ключевую роль в реализации публично-властной и общественной практики использования механизмов кэнселинга играют цифровые технологии. Активное применение информационно-телекоммуникационных технологий в повседневной жизни граждан позволило им свободно выражать мнения, транслировать их неограниченному кругу интернет-пользователей, обмениваться информацией любого характера. Обратной стороной сложно контролируемой свободы слова в интернете является возможность распространения анонимной, недостоверной, клеветнической и оскорбляющей честь и достоинство отдельной личности либо групп граждан информации.

По мнению автора, роль цифровых технологий в реализации культурной отмены отражается при их рассмотрении с позиции как акторов (инициаторов) отмены, так и ее объектов. Первые, будь то официальные представители государств или общественности, используют сетевые способы опубликования сведений, «отменяющих» личность в культурном пространстве, рассчитывая на их ускоренное донесение неограниченному кругу широкой интернет-аудитории. Кроме того, глобальная сеть «Интернет» позволяет найти единомышленников, разделяющих взгляды акторов «отмены», особенно по социальным, экономическим, политическим и идеологическим вопросам, вызывающим общественный резонанс. Не случайно поводом для «отмены» неоднократно выступали схожие темы, возникшие на почве защиты прав национальных, расовых и сексуальных меньшинств, харассмента, домашнего насилия и в отношении женщин и др.

Эффективность реализации «культуры отмены» посредством цифровых технологий объясняется также рядом иных обстоятельств: ощущение анонимности и безнаказанности в интернете; упрощенное мышление среднестатистического интернет-пользователя, не склонного к критической оценке поступающей неverified информации и анализу различных источников; психологическая предрасположенность молодежи как наиболее активной части пользователей информационной сети, выраженная в виде их повышенной агрессии, импульсивности и эмоциональности. В этом интернет-аудитория условно сравнима с бессознательной толпой, где актор «культуры отмены» выступает ее руководителем и координатором, а виртуальное пространство – местом массового скопления граждан.

С позиции объекта «отмены» цифровые технологии следует рассматривать в двух аспектах. Во-первых, виртуальное пространство является местом безвозвратного распространения информации (по принципу «интернет помнит всё») и демонстрации поведения, которое может служить поводом для культурной отмены. Во-вторых, цифровые технологии используются для обратной связи по поводу государственного или общественного порицания за высказанные слова или совершенные поступки.

При этом У. Д. Хохлова отмечает, что, по мнению зарубежных и отечественных исследователей, «культура отмены» ущемляет базовые человеческие права, в т. ч. презумпцию невиновности [3, с. 193]. Действительно, особенностью феномена культурной «отмены» является то обстоятельство, что попытки публичного оправдания в виде извинений и объяснений воспринимаются как признание вины и только подогревают агрессию со стороны акторов «отмены» и интернет-аудитории. В условиях отсутствия равного диалога, состязательности сторон и презумпции невиновности оправдываемый заведомо находится в уязвимом положении. Следовательно, интернет-ресурсы являются малоэффективным способом защиты профессиональной репутации и восстановления общественной поддержки.

«Культура отмены» в социально-гуманитарном дискурсе

Полноценный публично-правовой анализ кэнселинга предопределяет необходимость обращения к научным социально-гуманитарным знаниям, посвященным данному вопросу. По замечанию И. И. Дубининой, «Культура отмены, как объект исследования, привлекает внимание многих ученых, представителей самых различных дисциплин» [4, с. 28]. Действительно, зарубежные и отечественные культурологи, политологи, историки, социологи, философы проводят исследования, прежде всего связанные с экспликацией социокультурного и политического содержания и последствий данного феномена.

Культурологи П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина проводят аналогию между современной культурной отменой и архаичными формами притеснения личности – публичными экзекуциями, исполнением смертных приговоров и телесных наказаний при большом скоплении людей, «остракизмом» античной Греции и преданием анафеме христианской церковью [5, с. 164]. Данное сравнение, конечно же, условно, однако оно позволяет сформулировать важный вывод: исторически изменяются формы притеснения граждан, неугодных публичной (религиозной) власти или общественности вследствие их поведения, отступающего от общепринятых норм

политического, нравственного, этического или правового характера. Если ранее притеснение доходило вплоть до лишения жизни объекта отмены, то в настоящее время гонения деятелей культуры и искусства направлены на лишение их доходов, исключение из профессионального сообщества и в ряде случаев предание их творчества забвению в рамках исторической памяти.

Культуролог Е. А. Мусалитина отмену российской культуры среди стран Запада связывает исключительно с политическими мотивами последних, выраженных в виде агрессии, русофобства и гибридной войны коллективного Запада, направленной на вытеснение русской культуры из европейского культурного пространства [6, с. 17–18].

Политологи Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов рассматривают культурную отмену в качестве инструмента межгосударственной политической борьбы: «Переименование картин, мероприятий, музеев, которые содержат историческую память о России и ее культурном вкладе, преследуют вполне конкретную цель: нивелировать, „затушевать“ вклад России в достижения мировой цивилизации, закрыть доступ гражданам западных стран к информации о культурной значимости России» [7, с. 45]. На наш взгляд, политическое обоснование культуры отмены является узким подходом к исследованию причинно-следственных связей данного феномена. Как показывает современная практика реализации кэнселинга, далеко не во всех случаях речь идет о геополитических и внутривнутриполитических мотивах инициаторов притеснений деятелей науки и искусства, о чем свидетельствуют примеры, упомянутые выше автором настоящего исследования.

В данном контексте заслуживает внимания отграничение действительной культуры отмены от антибрендинга, которое встречается в научной статье филологов Л. К. Салиевой, Э. А. Арутюновой–Ястребковой и А. Цеппи [8]. На их взгляд, культура отмены – это стихийная общественная инициатива снизу, тогда как антибрендинг представляет собой государственную стратегическую технологию, направленную на дискредитацию имиджа другого государства в культурном пространстве посредством «мягкой силы» [8, с. 49].

Ю. М. Вертий предлагает оригинальное трехуровневое понимание культуры отмены – на уровне личности, бренда и, собственно, культуры. На уровне личности цель культуры отмены заключается в том, чтобы повлиять на человека, заставив его поступать так, как удобнее другим людям; на уровне брендов – в том, чтобы осудить их за некорректное поведение на рынке или неудачные высказывания; на уровне культуры – в том, чтобы полностью стереть из истории объект отмены [9, с. 67–68]. В то же время попытки западных государств отменить русскую культуру он не относит к исследуемому феномену, а воспринимает как «деструктивную технологию, направленную на разрыв или, по крайней мере, на усложнение коммуникаций стран Запада с Россией» [9, с. 68].

Философ О. В. Котунова ограничивается рассмотрением культуры отмены с позиции социальной практики, трактуя ее как современную форму протеста и один из радикальных способов морального регулирования, когда объект отмены (человек, группа людей, организация или бренд) подвергается активному осуждению за поступки или взгляды, оцененные группой активистов как недопустимые [10, с. 190].

Учеными-юристами ожидаемо отстаивается скептическая позиция относительно «культуры отмены» как внеправового инструмента регулирования общественных отношений. Так, В. А. Виноградов называет ее «монстрической внеправовой конструкцией» [11, с. 18], которая «подменяет собой право, пытаясь привлечь к ответственности минуя правовые механизмы» и «опирается на шаткий фундамент ничем не регламентированного мнения толпы, а также слухов и домыслов» [11, с. 19]. К. Э. Лисица и В. А. Туркулец признают кэнселинг «крайне негуманным, несправедливым и неадекватным способом призвать к ответственности за деяния, зачастую даже не являющиеся правонарушением» [12, с. 109].

Е. И. Дискин утверждает, что массовое прекращение доступа российских граждан к программному обеспечению и цифровым продуктам влияет на уровень их заработка, выполнение трудовых функций и связь с родными и близкими за рубежом и приравнивает данные процессы к культурной отмене в цифровом пространстве [13, с. 41]. Е. М. Подрабинок приходит к обоснованному выводу, что «культура отмены» имеет гражданско-правовые последствия в виде причинения морального вреда и умаления человеческого достоинства личности [14, с. 272].

В то же время конституционно-правовой наукой феномен «культуры отмены» по большей части теоретически не осмыслен, что, безусловно, в связи с нарушением культурных прав и свобод граждан, охраняемых Основным законом, является существенным упущением.

Конституционно-правовое измерение «культуры отмены»

Оценка юридической наукой определенного социально-правового явления в первую очередь осуществляется на предмет его соответствия либо противоречия Конституции Российской Федерации как нормативному правовому акту, имеющему высшую юридическую силу и составляющему основу правовой системы государства. Конституционно-правовой основой недопущения распространения в цифровом пространстве «культуры отмены» выступает ряд конституционных положений, требующих в данной части системного истолкования. Так, из анализа ранее упомянутых положений ч. 1 и 2 ст. 44 Конституции Российской Федерации о свободе творчества и праве каждого (курсив автора) на участие в культурной жизни следует, что авторы

произведений независимо от гражданства (подданства), взглядов и убеждений имеют гарантированную Основным законом возможность их создавать, передавать и распространять как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в т. ч. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Другими словами, рассматриваемые правомочия носят экстерриториальный характер, поскольку культурное пространство имеет общемировой статус и в условиях цифровизации за редкими исключениями не ограничено.

В ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации³ государство гарантирует всеобщее равенство прав и свобод независимо от обстоятельств, круг которых не является исчерпывающим: расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, убеждений и др. Применительно к феномену «культуры отмены» положение ч. 2 ст. 19 подлежит расширительному толкованию. Ученые, писатели, композиторы, музыкальные исполнители и иные представители науки, культуры и искусства независимо от их политических, идеологических, религиозных и иных убеждений имеют равный набор культурных прав и свобод с теми субъектами, которые занимают иные позиции по тому или иному вопросу, служащему поводом для государственного или общественного порицания. Ограничение свободы их творчества за рубежом – пример умаления их культурных прав и, как результат, дискриминации личности. Подтверждением тому является нормативное предписание ч. 1 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах⁴, которое гласит, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на участие в культурной жизни, а также пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. К настоящему моменту данный Пакт как международно-правовой акт универсального характера ратифицирован более чем 170 государствами-участниками Организации Объединенных Наций, к числу которых в т. ч. относятся европейские страны. По этой причине факты «отмены» публичного лица, бренда и даже государства в мировом культурном пространстве, слагаемом из общепринятых межгосударственных норм и правил в соответствующей сфере, является нарушением прав и свобод объектов «отмены».

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации недопустимы пропаганда или агитация, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Механизм общественного либо государственного порицания гражданской позиции отдельных авторов, приведенный в действие посредством общедоступных ресурсов в сети «Интернет», априори направлен на возбуждение ненависти и вражды в отношении определенного лица (определенных лиц) и рассчитан на поддержку со стороны неограниченной аудитории интернет-пользователей, занимающих аналогичную позицию.

Объект «отмены», в частности, публичная личность или представители известных компаний, вынуждено несет имиджевые и репутационные риски, финансовые потери (отмена выступлений артистов, выставок художников, снятие со съемок актеров, отказ в выдаче прокатного удостоверения фильмов и т. п.), получает моральные и нравственные страдания, что в совокупности оказывает на него давление, принуждающее к публичному отказу от ранее высказанного мнения. Следует учитывать, что целью распространения «культуры отмены» также является внутреннее переубеждение граждан, основанное на принуждении. В связи с этим прямым конституционным запретом «культуры отмены», на наш взгляд, следует считать конституционное положение ч. 3 ст. 29: «Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них»⁵.

Более того, государственное порицание за неосторожные высказывания, потоки негативных комментариев от пользователей социальных сетей за некорректные утверждения, противоречащие доминирующим общественным представлениям, свидетельствуют об ограничении свободы слова и цензуре за действия, которые в ряде случаев не противоречат действующему законодательству Российской Федерации. В частности, к числу табуированных тем относятся оправдание домашнего насилия, харассмента или оскорбление представителей молодежных субкультур (так называемых «анимешников», «квадроберов» и т. п.). Культура отмены не должна становиться цензурой в обществе [15, с. 197].

В связи с попытками недружественных государств отменить российскую культуру конституционные поправки 2020 года⁶, затронувшие вопросы духовно-нравственных основ российского общества, представляются превентивным ответом. Так, нормы об исторической преемственности развития российского государства (ч. 2 ст. 67.1 Закона Российской Федерации от 14 марта

³ Российская газета. 2020. 4 июля.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят Резолюцией 2200 Генеральной Ассамблеи ООН 16.12.1966) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ Российская газета. 2020. 4 июля.

⁶ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 11. Ст. 1416.

2020 г. № 1-ФКЗ), о защите исторической правды (ч. 3 ст. 67.1), поддержке и охране культуры Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68), защите и гарантировании государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранении этнокультурного и языкового многообразия (ч. 2 ст. 69), а также поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, в сохранении общероссийской культурной идентичности (ч. 3 ст. 69) выступают правовой основой культурной самобытности и идентичности российского народа, которые не требуют одобрения и принятия со стороны зарубежных государств. Напротив, своеобразие и выразительность российской культуры в общемировом культурном пространстве привлекательна для межкультурного взаимодействия с зарубежными партнерами, свободными от политизации рассматриваемой сферы. Традиционные ценности, самобытность культуры и вера в патриотизм представляются оплотом сопротивления западным антикультурным нарративам и способом усиления российского геополитического влияния посредством «мягкой силы». Тем самым конституционные основы самобытности в историческом аспекте и культурной идентичности российского народа противопоставляются зарубежной практике «культуры отмены».

Выявленная конституционно-правовая проблематика требует принятия решений прежде всего на законодательном уровне. Принимая во внимание, что распространение культурной отмены подрывает основы конституционного статуса личности, автор считает целесообразным сформулировать предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере культуры. Ключевым нормативным правовым актом в данной сфере выступают Основы законодательства Российской Федерации о культуре⁷, которые в условиях распространения кэнселинга требуют следующих изменений.

Во-первых, в целях понимания содержания «культуры отмены» необходимо раскрыть законодательную дефиницию данного понятия в ст. 3: *«Культура отмены – политико-культурная форма государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности».*

Во-вторых, необходимо законодательно запретить использование кэнселинга как способа нарушения культурных прав и свобод личности. Для этого предлагается внести изменения в ст. 10, дополнив ее абз. 4 следующего содержания: *«Каждый имеет право на распространение результатов творческой деятельности, не нарушающих права, свободы и законные интересы иных лиц. Применение культуры отмены, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей, недопустимо и влечет наступление ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации».*

В-третьих, необходимо расширить обязанности государства по обеспечению свобод всех субъектов культурной деятельности с учетом практики распространения «культуры отмены». В этой связи абз. 3 ст. 31 предлагается дополнить следующим положением: *«Обязанностью органов публичной власти и их должностных лиц является мониторинг информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети „Интернет“, в целях выявления фактов применения культуры отмены в отношении физических лиц и представителей юридических лиц».*

В-четвертых, в целях противодействия использованию кэнселинга в отношении российских деятелей науки и искусства в зарубежных государствах необходимо расширить обязанности Российской Федерации по сохранению отечественных культурных ценностей за пределами государственной территории. В связи с этим предлагается дополнить абз. 3 ст. 59 положением следующего содержания: *«Государство разрабатывает и осуществляет меры по сохранению культурного наследия народов Российской Федерации, захоронений соотечественников, находящихся в зарубежных странах, а также по укреплению межгосударственного сотрудничества в области противодействия культуре отмены».*

И наконец, в целях неотвратимости юридической ответственности за организацию и участие в культурной отмене деятелей науки и искусства необходимо внести изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁸, дополнив его гл. 5 «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» ст. 5.70 «Нарушение требований законодательства в области культурных прав и свобод» следующего содержания: *«Организация, участие или финансирование культуры отмены как формы государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати тысяч до трехсот тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица – от тридцати до четырехсот тысяч рублей; на должностных лиц – от пятидесяти до пятисот тысяч рублей; на юридических лиц – от одного миллиона до пяти миллионов рублей».*

⁷ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 32.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

3 заключение

На основании проведенного исследования автор под культурой отмены предлагает понимать политико-культурную форму государственного и (или) общественного порицания деятелей науки и искусства, направленного на отказ от признания и запрет на распространение законных результатов их творческой деятельности.

В современных условиях цифровизации практика культурной отмены представлена двумя уровнями: межгосударственным (политико-идеологический способ давления представителей одного государства на другое) и частным (выражение критической позиции общества относительно поступков и высказываний публичной фигуры или представителей юридического лица).

Негативным проявлением цифровизации является активное использование информационно-телекоммуникационных технологий в целях применения механизмов «культуры отмены» со стороны ее акторов и последователей. Информационно-телекоммуникационные технологии способствуют мгновенному, массовому, анонимному и обезличенному распространению информации, ограничивающей культурные права объекта «отмены» и порочащей его честь, достоинство и деловую репутацию.

Исходя из проведенного авторского толкования положений ч. 2 ст. 19, ч. 2 и 3 ст. 29 и ст. 44 Конституции Российской Федерации⁹, публично-правовая и социальная практики кэнселинга являются антиконституционными, поскольку направлены на умаление культурных прав и свобод ученых, писателей, композиторов и иных авторов результатов интеллектуальной деятельности. Духовно-нравственные основы Конституции Российской Федерации выступают идейной предпосылкой для отстаивания исторической самобытности и культурной идентичности российского народа в общемировом культурном пространстве и тем самым их противопоставления зарубежной «культуре отмены». Представленные в настоящей работе предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации направлены на обеспечение конституционно-правового статуса деятелей науки и искусства в части, связанной с актуальной межгосударственной и общественной практикой применения кэнселинга посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Список источников

1. Шутова В. Н. Свобода творчества в современной России: конституционно-правовой аспект / Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Международной научно-практической конференции, г. Иркутск, 8 декабря 2017 г. : в 2 т. / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2018. Т. 1. С. 152–156.
2. Никишов А. Б. Право на свободу творчества в Российской Федерации : монография. Москва : Проспект, 2019. 64 с.
3. Хохлова У. Д. «Культура отмены» – принцип взаимодействия в современном интернет-пространстве / Цифровая педагогика: от дидактики к педагогическому дизайну : сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 31 марта – 1 апреля 2023 г. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2023. С. 96–107.
4. Дубинина И. И. Общетеоретические основы культуры отмены / Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : материалы XVII международной научно-практической конференции, г. Волгоград, 7 февраля 2024 г. Волгоград : Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2024. С. 28–30.
5. Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 162–169. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_2_857_162
6. Мусалитина Е. А. Повышение акцептации российской культуры в условиях эскалации культуры отмены // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. № 2 (66). С. 17–23.
7. Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 32, № 4. С. 37–53. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04>
8. Салиева Л. К., Арутюнова-Ястребкова Э. В., Цепли А. «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 30. С. 44–72. <https://doi.org/10.24412/2949-2513-2023-30-44-72>
9. Вертий Ю. М. Понятия забвения и культуры отмены в контексте исследований памяти // Общество: философия, история, культура. 2024. № 9. С. 63–68. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.9.9>
10. Котунова О. В. Культура отмены в структуре мемориального дискурса новых медиа: критический анализ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 1. С. 188–201. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.446>
11. Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 17–30. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.026>
12. Лисица К. Э., Туркулец В. А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 107–110. <https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s>
13. Дискин Е. И. Проблема «Цифровой отмены» граждан России // Труды по Интеллектуальной Собственности. 2024. Т. 50, № 3. С. 39–48. <https://doi.org/10.17323/tis.2024.22297>
14. Подрабинок Е. М. «Культура отмены» и достоинство личности // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 271–282.
15. Усенова М. Б. Свобода слова и культура отмены / Актуальные вопросы государства и права: проблемы и перспективы совершенствования : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика С. З. Зиманова, г. Алматы, 30 марта 2021 г. Алматы : Центр оперативной печати, 2021. С. 195–198.

⁹ Российская газета. 2020. 4 июля.